

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С. А. Силаев

OBJECTIVE SIGNS OF DELICTUM CONTINUATUM

S. A. Silaev

Статья посвящена рассмотрению объективных признаков продолжаемого преступления. Стоя на позициях субъективной концепции продолжаемого преступления, автор утверждает, что такие обстоятельства, как единство объекта или предмета преступления, тождество деяний или принадлежность их к одному роду (виду), единый ущерб, единство нарушенного права (единство потерпевшего), наличие временной и пространственной связи между эпизодами преступной деятельности, единство способа преступления, использование одной и той же ситуации, одного и того же длящегося отношения и т. п., относятся к числу переменных (вариативных) признаков анализируемой правовой конструкции. Они не имеют самостоятельного юридического значения, а лишь доказывают наличие единства субъективной стороны, которым и определяется природное единство продолжаемого преступления.

The paper focuses on studying objective signs of *delictum continuatum*, i. e. continuous offence or offence of several transactions. Within the subjective conception of continuous offence, the author argues that such circumstances as identity of protected or attacked object; identity or homogeneity of criminal actions or omissions; joint harm or damage; identity of violated right (identity of victim); temporal and spatial bind between episodes of criminal activities; identity of criminal *modus operandi*; use of the same situation or continuous relations, etc. belong to variable signs of the analysed legal construction. They have no independent juridical importance, but only prove the identity of *mens rea*, and just indivisible *mens rea* determines the natural unity of *delictum continuatum*.

Ключевые слова: единый умысел; объективная сторона преступления; продолжаемое преступление; совокупность преступлений; субъективная сторона преступления.

Keywords: actus reus; concurrence of offences; continuous offence; criminal intention; delictum continuatum; mens rea; cumulative offence.

На протяжении двух последних столетий в уголовно-правовой науке континентальной Европы, включая и Россию, не утихают споры по поводу продолжаемого преступления. Дискуссионными остаются как анализируемая юридическая конструкция в целом, так и каждый отдельный её элемент (признак). При этом концептуальные подходы нередко заменяются сугубо прагматическими, что проявляется прежде всего в увеличении числа признаков данного феномена, отмечаемых в его определении. Между тем, ещё Гегель писал о порочности определения понятия через перечисление его признаков, «существенность которых есть для самого предмета нечто безразличное», и требовал «настоящих определений понятия, которые были бы по существу своему принципами предметов» [3, с. 731]. Если описание «предназначено для представления и принимает в себя это дальнейшее, принадлежащее к реальности содержание», то дефиниция, «сводя... предмет к его понятию, отбрасывает его внешние черты, которые необходимы для его существования; она абстрагирует от того, что прибавляется к понятию при его реализации и благодаря чему понятие переходит, во-первых, в идею и, во-вторых, во внешнее существование». В определении понятие «обретает само себя» и «имеет соответствующую ему реальность» [3, с. 728].

В современной учебной литературе по формальной логике отмечается, что определение есть логическая операция, раскрывающая содержание понятия; понятие же есть не что иное как «форма мышления, отражающая предметы в их существенных признаках» [8, с. 47; 30]. Это значит, что в определение

должны закладываться не все признаки определяемого предмета, а лишь те, что выражают его сущность; в свою очередь, если признак сущностный, то он характерен для всех без исключения элементов определяемого множества – без этого признака соответствующий предмет существовать не может; несущественные же признаки, пусть даже часто встречающиеся, типичные, в определении отражаться не должны.

Исходя из этой общефилософской посылки, рассмотрим предлагаемые в уголовно-правовой доктрине объективные признаки продолжаемого преступления.

Практически все авторы прежде всего обращают внимание на определённое сходство эпизодов продолжаемого преступления, или «минипреступлений» [10, с. 108]. Напомним, что согласно п. 2 постановления 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» продолжаемыми признаются «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление» [1, с. 6]. Поскольку данное руководящее разъяснение формально сохраняет юридическую силу на территории Российской Федерации и, следовательно, является обязательным для правоприменителя, не считается с ним нельзя. Однако при ближайшем рассмотрении требование тождественности образующих продолжаемое преступление действий представляется более чем спорным.

Во-первых, исходя из буквального смысла процитированного руководящего разъяснения, получается,

будто бы продолжаемое преступление может быть учинено лишь в форме активного действия; однако ряд авторов справедливо обращают внимание на возможность существования продолжаемого бездействия [6, с. 264; 32, с. 92].

Во-вторых, совершенно ясно, что нескольких абсолютно тождественных преступных действий быть просто не может. Слово *тождественный* означает в русском языке «равный, одинаковый или вполне подобный; однозначный, равносильный, безразличный, во всём сходный; по смыслу и значению своему один и тот же», а *тождественность* или *тождество* – «полное сходство, подобие, равенство смысла, разума, значенья» [4, с. 778]. Ясно, что двух (а тем более нескольких) абсолютно тождественных преступных действий быть просто не может – в конце концов, «тождество с собой уже с самого начала имеет своим необходимым дополнением *отличие от всего другого*» [29, с. 530]. Поэтому многие учёные уточняют данный признак, полагая, что речь должна идти не о фактическом, а о юридическом тождестве [2, с. 8; 18, с. 96; 21, с. 17; 28, с. 20]. Требование фактической «неоднократной тождественности преступных действий», включая аналогичность «по способу осуществления намерения как криминалистического понятия», высказывалось, пожалуй, лишь П. К. Кривошеиным [12, с. 14 – 15] и нашло справедливую критику как неоправданно сужающее понятие продолжаемого преступления. Однако и критерий юридического тождества оказывается спорным.

По мнению Т. Г. Черненко, юридически тождественными следует считать «действия, совпадающие по своим юридическим признакам, юридической значимости, степени общественной опасности, то есть действия, предусмотренные одной статьёй (если статья без частей) или одной частью статьи Уголовного кодекса» [28, с. 20]. Н. А. Бабий даёт ещё более узкое определение данного понятия. По его мнению, юридически тождественными являются преступления, имеющие одинаковую квалификацию (т. е. квалифицированные по одним и тем же нормам Общей и Особенной части уголовного закона) [2, с. 31]. При этом наравне с тождественными и однородными преступлениями данный автор предлагает выделять категорию нетождественных преступлений одного вида, каковыми он признаёт, во-первых, преступления, квалифицируемые по разным частям одной и той же статьи Особенной части Уголовного кодекса, во-вторых, преступления, различающиеся по стадиям их совершения, в-третьих, случаи выполнения различных ролей в совершении преступлений, в-четвёртых, сочетание любых из вышперечисленных различий [2, с. 34]. Приветствуя столь строгий подход к определению юридического тождества, полагаем, что нетождественными преступлениями одного вида следует считать и преступления, предусмотренные различными пунктами одной и той же части статьи Особенной части Уголовного кодекса. В самом деле, кража с проникновением в помещение или иное хранилище не только фактически, но и по своей юридической формуле отличается от кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившейся при потерпевшем,

хотя оба эти вида квалифицированной кражи предусмотрены ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Сказанное не позволяет согласиться с тем, что продолжаемое преступление может быть образовано только юридически тождественными деяниями. Считая такой взгляд на продолжаемое преступление чрезмерно узким, многие югославянские юристы, основываясь на законодательстве своих государств, в качестве одного из обязательных признаков продолжаемого преступления называют совершение виновным ряда одинаковых или одновидовых деяний; при этом они, как и Н. А. Бабий, считают одновидовыми преступные деяния, образующие различные формы одного и того же состава (основной, квалифицированный и привилегированный), а равно оконченное преступление и покушение на него [31, с. 651; 33, с. 211; 34, с. 373; 35, с. 1050 – 1051]; иногда в этот перечень добавляются различные формы участия в совершении преступления (исполнение и соучастие в тесном смысле) [32, с. 88 – 96].

Не редки случаи, когда эпизоды продолжаемого преступления (если рассматривать их изолированно) представляют собой нетождественные одновидовые преступления, и в практике российских судов. Так, ночью 24 января 2007 г. П., М. и Я., а также Д., уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с недостижением возраста уголовной ответственности, договорившись совершить хищение чужого имущества и взяв с собой выдергу, пришли в гаражный массив, где, разобрав часть кирпичной стены, проникли в гараж, принадлежащий Б., и тайно похитили оттуда автомагнитолу, радиоприёмник, электродрель, два баллона автомобильной краски, три ведра картофеля, несколько банок с соленьями и вареньем на общую сумму 12920 руб., чем причинили Б. значительный материальный ущерб. При этом они, видя, что в гараже ещё остались продукты питания и иное ценное имущество, решили в ближайшее время вернуться и продолжить свои преступные действия. На следующий вечер указанные лица вернулись на место преступления, через ранее проделанное отверстие в кирпичной кладке проникли внутрь и тайно похитили из гаража ещё три ведра картофеля, соленья, варенье, двухконфорочную электропечь, различные запчасти для автомобиля на общую сумму 4400 руб., которую потерпевший Б. не счёл значительной. Как видим, первый эпизод, рассмотренный изолированно, представляет собой преступление, предусмотренное п. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а второй – преступление, предусмотренное п. «а» и «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Несмотря на это, содеянное представляет собой единое продолжаемое преступление – кражу, совершённую группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в хранилище, причинившую значительный ущерб гражданину [37]. Не было бы совокупности и в том случае, если бы при тех же обстоятельствах, свидетельствующих о наличии у виновных единого умысла, в ходе одного из эпизодов было бы похищено имущество в крупном размере – содеянное всё равно квалифицировалось бы как единое преступление (правда, уже по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Ряд отечественных авторов, отмечая, что понятие тождественности слишком узко для характеристики продолжаемого преступления, предпочитают характеризовать составляющие его эпизоды как тождественные или однородные (либо просто однородные) [6, с. 264; 7, с. 10; 9, с. 52; 17, с. 19; 20, с. 98; 30, с. 26]. При этом следует иметь в виду, что в ряде приведённых работ (равно как и у некоторых дореволюционных русских юристов [26, с. 34]) однородность понимается довольно узко и фактически охватывает лишь одновидовые преступления. Наконец, отдельные учёные, пытаясь избежать терминологических споров, пишут о том, что продолжаемые преступления слагаются из ряда деяний, содержащих признаки одного и того же состава преступления [13, с. 261; 21, с. 633]. Думается, что и такое определение чрезмерно узко. По нашему мнению, пусть в редких случаях, но всё же возможно, когда продолжаемое преступление слагается из разнородных общественно опасных деяний, содержащих признаки совершенно разных составов преступления. Приведём пример.

26 февраля 2008 г., около 16 часов, Г., достоверно зная, что по определённом адресу проживает одинокая престарелая женщина Б., не способная в силу своего возраста оказать ему сопротивление, с целью хищения чужого имущества пришёл туда, постучал в дверь, назвался соседом, а когда потерпевшая открыла, незаконно проник в квартиру и потребовал у неё деньги. Б. ответила, что денег у неё нет. Тогда Г. достал из кармана нож и высказывая угрозы убийством, вновь потребовал, чтобы Б. отдала ему деньги. Воспринимая угрозу реально, Б. сказала ему, где лежат деньги, после чего Г. прошёл по квартире и открыто похитил 500 руб. денег и 7 рулонов обоев на сумму 945 руб., причинив потерпевшей материальный ущерб в сумме 1445 рублей. В продолжение своего преступного умысла, направленного на хищение принадлежащего Б. имущества, Г. в тот же день, около 18 часов, вновь проник в ту же квартиру, используя обман (представился сотрудником милиции), и, угрожая хозяйке ножом, опять стал требовать денег. Б. ответила, что денег больше нет, и Г., продолжая угрожать, стал ходить по квартире, отыскивая ценные вещи. Затем он отобрал у потерпевшей ключи от квартиры, а когда она потребовала их вернуть, нанёс один удар кулаком в грудь, отчего Б. упала, а затем ударил ногой по лицу, отчего потерпевшая потеряла сознание. После этого Г. прошёл по квартире и, собрав принадлежащие Б. вещи (аудиомагнитофон, наволочку, пачку стирального порошка, фильмоскоп, фен, две хрустальные вазы, 6 рюмок, чайник и утюг на общую сумму 3600 руб.), скрылся с места преступления, распорядившись впоследствии похищенным по своему усмотрению. Суд обоснованно не нашёл в действиях Г. совокупности преступлений и квалифицировал содеянное им как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 162 УК РФ (разбой, совершённый с незаконным проникновением в жилище) [38]. Налицо два юридически (да и фактически) тождественных действия, объединённых единым умыслом, – словом, типичное продолжаемое преступление.

А теперь несколько изменим ситуацию и предположим, что Б. потеряла сознание от удара, нанесённо-

го в ходе первого нападения, и находилась в бессознательном состоянии в течение длительного времени, так что вернувшемуся на место преступления Г. не нужно было использовать ни обман, ни насилие, для того чтобы продолжить реализацию своего умысла на завладение имуществом потерпевшей. Если признавать обязательным признаком продолжаемого преступления тождественность или однородность составляющих его деяний, то при изменённых нами условиях придётся квалифицировать содеянное Г. по правилам реальной совокупности: ведь кража и разбой – явно разнородные преступления (одно посягает исключительно на отношения собственности, а другое – ещё и на общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья человека, телесную неприкосновенность личности). Однако такая юридическая оценка противоречила бы и принципу справедливости (во втором из рассмотренных вариантов ситуации мы вынуждены были бы назначить более строгое наказание, хотя общественная опасность содеянного, по крайней мере, не большая, чем в первом варианте), и принципу вины (Б. не намеревался совершать разбой и кражу – все его действия были направлены на реализацию одного и того же умысла на изъятие имущества потерпевшей путём нападения на неё). Думается, что, два поведенческих акта Г., несмотря на их разнородность, суть лишь составные части одного продолжаемого преступления – разбоя.

Заметим также, что многие специалисты совершенно справедливо считают, что продолжаемое преступление может складываться как из преступных деяний, так и из иных правонарушений [7, с. 10; 9, с. 60; 19, с. 143–144; 28, с. 20] (хотя ряд авторов искусственно сужают данное понятие, полагая, что в состав продолжаемого преступления могут входить лишь деяния, каждое из которых содержит все признаки соответствующего состава преступления [18, с. 96; 27, с. 226], либо, напротив, признавая эпизодами такого преступления лишь деяния, каждое из которых в отдельности не обладает той общественной опасностью, которая присуща данному составу преступления [12, с. 14 ff]). А это ещё один аргумент против отнесения юридического тождества к числу обязательных признаков продолжаемого преступления: скажем, административно наказуемая мелкая (ст. 7.27 КоАП РФ) и уголовно наказуемая «простая» (ч. 1 ст. 158 УК РФ) кражи, будучи основаниями разных форм юридической ответственности, никак не могут быть признаны тождественными, да и об однородности здесь можно говорить с большой долей условности, учитывая качественное различие между преступлениями и иные правонарушения: первые – общественно опасны, вторые – лишь вредоносны [5, с. 135; 11, с. 44; 25, с. 160–161].

Учитывая изложенное, считаем, что ни юридическое тождество, ни юридическая однородность не являются необходимыми признаками продолжаемого преступления, которое вполне может состоять и из разнородных деяний, если они совершены во исполнение единого преступного умысла. Другое дело, что поэтапная реализация единого умысла зачастую (но не всегда!) предполагает совершение виновным более или менее одинаковых действий. Иными словами,

юридическое тождество эпизодов представляет собой лишь одно из возможных доказательств наличия единой вины. Как справедливо отмечал ещё А. Фон-Резон, «можно лишь сказать, что чем более разницы в отдельных действиях, тем безошибочнее можно заключить, что имеем перед нами не одно намерение, не одно продолжаемое преступление, а несколько намерений, несколько преступлений» [26, с. 33 – 34].

Н. Ф. Кузнецова в начале своей научной деятельности считала главным признаком продолжаемого преступления нанесение единого ущерба единому объекту, причём этот единый ущерб «слагается из ряда более мелких однородных ущербов, которые имеют значение элементов состава только в их совокупности» [14, с. 130]. Схожие мнения высказывались и некоторыми другими авторами – как отечественными [16, с. 159 – 160; 22, с. 16 – 18; 30, с. 24], так и зарубежными [36, с. 207]. Однако данный признак на самом деле не позволяет отграничить продолжаемое преступление от совокупности, причём как от однородной (несколько самостоятельных хищений причиняют собственнику, в конечном счёте, единый материальный ущерб), так и от разнородной (единичное преступление, в том числе и продолжаемое, может быть полиобъектным). Й. Л. Бутурович в этой связи обращает внимание ещё на два момента: во-первых, отдельное указание на причинение продолжаемым преступлением единого ущерба излишне («Было бы поистине абсурдным говорить, что действие входит в состав продолжаемого преступления, а следствие остаётся вне его»), а во-вторых, последствия по-разному проявляются в преступлениях с материальными и формальными составами [32, с. 158 – 159]. С учётом сказанного, логичнее уж говорить не о едином последствии или едином ущербе, а об общем результате как цели поведения лица с начала совершения продолжаемого преступления [10, с. 108], но это уже не объективный, а субъективный признак. К слову сказать, сама Н. Ф. Кузнецова в более поздней монографии предлагает уже совсем иной подход: «Систематические мелкие хищения с производственных объектов так называемыми "несунами" не представляют собой продолжаемого хищения, если отсутствует цель создать из похищенного нечто целое и исполняемое по заранее запланированному сценарию» [15, с. 313]. Здесь налицо явный переход от объективной концепции продолжаемого преступления к субъективной.

Нецелесообразно включать в понятие продолжаемого преступления и указание на единый предмет посягательства, оговаривая его «делимость» либо, наоборот, «неделимость». Предмет как материальное выражение объекта имеется далеко не во всех преступлениях; но и там, где он есть, ему вряд ли стоит придавать самостоятельное значение при решении вопроса о наличии в содеянном признаков продолжаемого преступления или реальной совокупности – хотя бы потому, что не исключена возможность нескольких самостоятельных посягательств на один и тот же предмет.

Многие европейские криминалисты предлагают в качестве альтернативного (переменного) признака продолжаемого преступления рассматривать исполь-

зование одной и той же ситуации или одного и того же длящегося отношения [32, с. 153 – 157]. При этом под длящимся отношением понимается любое юридическое или фактическое отношение между виновным и потерпевшим (родственные, трудовые отношения, отношения по гражданско-правовому договору выполнения работ или оказания услуг, отношения между начальником и подчинённым по военной службе и т. п.), которое даёт возможность лицу совершить несколько противоправных деяний или облегчает их совершение; в качестве ситуации в данном аспекте могут выступать временное отсутствие собственника жилища, из которого «по частям» совершается кража, наводнение или иная чрезвычайная ситуация и т. п. Однако, как правильно отмечает А. М. Ораздурдыев, постоянство обстановки является необходимой предпосылкой единого умысла при продолжаемом преступлении [20, с. 104 – 105]. Именно в качестве доказательства единства субъективной стороны продолжаемого преступления и надлежит рассматривать данный признак.

Аналогичное значение следует придавать и таким часто называемым признакам продолжаемого преступления, как наличие временной связи (относительно небольшие промежутки времени) между эпизодами, единство или сходство способа преступного посягательства, единство места совершения преступления и единство источника преступного обогащения [13, с. 264; 28, с. 22; 31, с. 652]: игнорировать их нельзя, ибо с их помощью устанавливается наличие у виновного единого умысла, мотива, цели, единого преступного плана и т. п., однако все эти внешние, формальные признаки в силу своего чрезвычайно оценочного характера неспособны выполнять роль конститутивных атрибутов анализируемой юридической конструкции [32, с. 166; 35, с. 1052 – 1056]. В самом деле, вору или растратчику для реализации единого преступного намерения необходимо действовать в допустимых ограниченных пространственных рамках, а распространитель экстремистских материалов, напротив, стремится охватить своей противозаконной агитацией как можно большую территорию; кроме того, как справедливо отмечает Й. Л. Бутурович, современные транспортные средства позволяют быстро преодолевать большие расстояния, что зачастую сводит на нет значение данного признака [32, с. 166]. Точно так же совершающий в несколько приёмов квартирную кражу стремится закончить всё как можно скорее, а лицо, использующее незаконные схемы «оптимизации налогообложения», в принципе не может совершать акты уклонения от уплаты налогов через короткие промежутки времени, ибо закон связывает исполнение данной обязанности с определённым налоговым периодом (по большинству налогов – один календарный год).

Не может служить самостоятельным признаком продолжаемого преступления и единство нарушенного права (единство потерпевшего). Этот вопрос детально рассматривался нами в рамках отдельной статьи [23, с. 37 – 46]; здесь же укажем лишь, что:

– во-первых, количество потерпевших нередко является случайным и совершенно не отражается в сознании виновного;

– во-вторых, продолжаемый характер могут носить т. н. «преступления без жертв» (например, незаконный оборот наркотиков), где вопрос о потерпевшем в принципе не ставится.

С учётом всего вышесказанного можно прийти к выводу, сделанному более ста лет назад Н. С. Таганцевым: «объединяющее условие» продолжаемого

преступления «нужно искать в стороне внутренней, в единстве виновности, причём объективная сторона, единство или раздельность объекта, времени, места и способа действия, а в особенности однородность деятельности будут составлять только доказательства единства или раздельности внутренней стороны» [24 с. 284].

Литература

1. Постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. № 1) // сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М.: Спарк, 1997.
2. Бабий, Н. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания: науч.-практ. пособие / Н. А. Бабий. – Мн.: Тесей, 2008. – 176 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Изд. 2-е, стереотип. – СПб.: Наука, 2005. – 800 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 4. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 912 с.
5. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 316 с.
6. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон / Н. Д. Дурманов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1967. – 320 с.
7. Караев, Т. Э. Повторность преступлений / Т. Э. Караев. – М.: Юрид. лит., 1983. – 104 с.
8. Кириллов, В. И. Логика: учебник для вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 256 с.
9. Козлов, А. П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация: учеб. пособие / А. П. Козлов; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2007. – 280 с.
10. Козлов, А. П. Учение о стадиях преступления / А. П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 353 с.
11. Коржанский, Н. И. Очерки теории уголовного права / Н. И. Коржанский. – Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1992. – 92 с.
12. Кривошеин, П. К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы) / П. К. Кривошеин. – Киев: Вища школа, 1990. – 159 с.
13. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 304 с.
14. Кузнецова, Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Н. Ф. Кузнецова. – М.: Госюриздат, 1958. – 218 с.
15. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. акад. В. Н. Кудрявцева. – М.: Городец, 2007. – 336 с.
16. Курс советского уголовного права: в 6 т. – Т. III: Часть Общая. Наказание / ред. колл.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1970. – 352 с.
17. Малков, В. П. Множественность преступлений и её формы по советскому уголовному праву / В. П. Малков. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1982. – 176 с.
18. Матышевский, П. С. Ответственность за преступления против социалистической собственности / П. С. Матышевский. – Киев: Вища школа, 1983. – 175 с.
19. Навроцький, В. О. Основи кримінально-правової кваліфікації / В. О. Навроцький. – Київ: Юрінком Інтер, 2006. – 704 с.
20. Ораздурдыев, А. М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юр. наук / А. М. Ораздурдыев; Казанск. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1984. – 198 с.
21. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
22. Ришелюк, А. Н. Делящиеся и продолжаемые преступления в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук / А. Н. Ришелюк; Киев. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1992. – 25 с.
23. Силаев, С. А. О единстве потерпевшего в продолжаемом преступлении / С. А. Силаев // Советник юриста. – 2011. – № 4.
24. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1994. – 393 с.
25. Тимейко, Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления / Г. В. Тимейко. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1977. – 216 с.
26. Фон-Резон, А. О продолжаемом преступлении (*crimen continuatum*). По поводу решения уголовного кассационного департамента правительствующего сената по делу Качкаевых / А. Фон-Резон // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – Кн. 1.
27. Фріс, П. Л. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для студентів вищих навчальних закладів / П. Л. Фріс. – Київ: Атіка, 2004. – 488 с.

28. Черненко, Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву / Т. Г. Черненко. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – 203 с.
29. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. / соч. 2-е изд. – Т. 20.
30. Яковлев, А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву / А. М. Яковлев. – М.: Госюриздат, 1960. – 117 с.
31. Babić, M. Konstrukcija produženog krivičnog djela u Krivičnom zakoniku Crne Gore / M. Babić // Pravni život. – 2008. – God. 21. – Br. 9. – Т. 1.
32. Buturović, J. Lj. Produženo krivično delo / J. Lj. Buturović. – Beograd: Privredna štampa, 1980. – 239 s.
33. Kazensko pravo. Splošni del / Lj. Bavcon, A. Šelih, D. Korošec, M. Ambrož, K. Filipičič. – Peta izdaja. – Ljubljana: Uradni list Republike Slovenije, 2009. – 568 s.
34. Novoselec, P. Opći dio kaznenog prava / P. Novoselec. – Zagreb: Pravni fakultet Sveučilišta u Zagrebu. – 2009. – XX. – 574 s.
35. Vuletić, I. Produljeno kazneno djelo – jedan mogući smjer razvoja de lege ferenda / I. Vuletić // Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu. – 2008. – God. 15. – Br. 2.
36. Zlatarić, B. Krivični zakonik u praktičnoj primjeni (kritički pregled judikature). Svezak 1: Opći dio / B. Zlatarić. – Zagreb: Narodne novine, 1956. – 331 s.
37. Архив Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской обл. Дело № 1-256-2007.
38. Архив Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской обл. Дело № 1-172-2008.

Информация об авторе:

Силаев Семён Александрович – ассистент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, siamion_silajeu@tut.by.

Semyon A. Silaev – Assistant Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.